

- Białoruski wojny polsko-bolszewickiej 1918–1920. Koszalin-Warszawa, 1994. P. 59–62.
16. Так указано в документе.
17. AAN, MSZ, sygn. 4475. К. 96. Копия Доклада о тайном заседании, проходившем 17 июня 1919 в здании Военного министерства (Германия).
18. Ibid.
19. Ibid.
20. Директивы Главного командования Красной Армии (1917–1920). М., 1969. С. 361.
21. *Davies N.* Orzeł biały, czerwona gwiazda. Wojna polsko-bolszewicka 1919–1920. Krakow, 2011. P. 42; *Michta N., Kumoś Z.B.* Niewypowiedziana wojna 1919–1920. Warszawa, 2009. P. 37.
22. *Wyszczelski L.* Niewypowiedzialna wojna. Polsko-rosyjskie działania militarne w 1919 roku. Toruń, 2005. P. 36.
23. *Литиньская-Наленч Д., Наленч Т.* Начало // Белые пятна – черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях. М., 2010. С. 57.
24. Цит. по: *Кантор Ю.* Польско-большевистская война как фактор германо-российского сближения // Треугольник Москва–Варшава–Берлин. Очерки советско-польско-германских отношений в 1918–1939 гг. СПб., 2011. С. 23.

Т.И. Трошина

**Тень Версальского мира: влияние событий
советско-польской войны на общественную жизнь
послевоенной Германии (август 1920 – июнь 1921 гг.)***

Послевоенный передел границ, изменив политическую конфигурацию Европы, создал немало напряженных ситуаций. Это касалось и

---

* Статья написана в рамках исследования, поддержанного грантом РГНФ (проект № 12-11-29000a/С)

России, которая, формально находясь в лагере победителей, оказалась среди побежденных. Территориальный распад государства способствовал приграничным конфликтам, что усугублялось идеологической составляющей. В частности события 1920–1921 гг.: Советско-польская война, польско-литовский конфликт, польско-германское напряжение на территориях, где происходили плебисциты по вопросу государственного самоопределения, – в комплексе это привело к совмещению националистических и интернационалистических целеполаганий: интернациональная идея «мировой революции» неожиданно способствовала процессу создания новых государств и усугублению национализма. Этим пользовалось и Советское государство, эксплуатируя националистические устремления в интересах Мировой революции.

Представляя в июне 1920 г. Главкому Л.Б. Троцкому план предстоящих военных действий с Польшей, командующий армиями Западного фронта М.Н. Тухачевский резюмировал: «Война с Польшей неминуемо закончится европейской войной»¹. Было ли целью войны развертывание Мировой революции или нет, но «большая политика» внесла коррективы в первоначальные планы, какими бы они ни были. Так, Советское правительство через своих представителей давало обещание немецким властям, что Красная армия не перейдет границу с Германией.

Вместе с тем, нахождение Красной армии в непосредственной близости от границы Восточной Пруссии во время июльского и августовского наступления, а затем ее переход с целью спастись от возможности польского плена и последующее пребывание нескольких десятков тысяч красноармейцев на территории Германии в качестве интернированных военнослужащих создали у немецкой общественности озабоченность. Преувеличенная и усиленная слухами и публикациями в средствах массовой информации², она превратилась в своеобразную «моральную панику», страх перед «большевистскими ордами».

Война Красной армии с Польшей, казалось бы, отвечала национальным интересам Германии, поскольку поверженная Польша могла бы отказаться от притязаний не только в отношении Советской Украины, но и Германии, значительные территориальные потери которой по результатам Версальского мирного договора были связаны именно с передачей земель в состав Польши. Однако немцы опасались как победоносного наступления русских, так и их поражения. В первом

случае, оттесненные к германской границе польские войска начали интернироваться на территории Германии, и у немецкой общественности возникло опасение, что красноармейцы перейдут границу вслед за поляками³, под видом их преследования, а оказавшись на территории Германии, объединятся с местными «спартаковцами».

Действительно, в июле и начале августа 1920 г., во время наступления Красной армии, происходили регулярные переходы границы Восточной Пруссии отдельными польскими подразделениями⁴. По существовавшим законам, нейтральное государство обязано было разоружить и интернировать оказавшихся в таком положении военнослужащих. Польско-прусская граница, фактически демилитаризованная, охранялась плохо. Утверждения властей, что «немецкая пехота и кавалерия распределены по границе таким образом, что сразу могут быть стянуты ко всем опасным местам»⁵, успокоить население не могли. Польские пограничники, а затем и войска Антанты, расположенные на территориях, где, согласно Версальскими решениям, готовился «плебисцит» по вопросу дальнейшей их государственной принадлежности, были отозваны от границы. Не успокаивали заверения и советской стороны, что Красная армия границу не перейдет, и сообщения прессы такого характера: «Большевистские эскадроны и патрули подходят к границе, но заявляют, что ее не перейдут»⁶.

Опасения вызывали не столько русские, сколько немецкие красноармейцы, которых было немало в наступающих частях, и их численность все время возрастала. По мере приближения красноармейских частей к Пруссии сотни и тысячи немцев стремились нелегально перейти границу с целью вступить в ряды Красной армии и бороться, в частности, за возвращение спорных территорий, переданных по Версальскому договору от Германии Польше или готовящихся к проведению плебисцита⁷. Из таких перебежчиков командованием Красной Армии предполагалось даже на случай революции в Германии организовать «Отдельную бригаду особого назначения», которая «могла бы сыграть роль первой регулярной бригады в будущей Красной Армии Германии». Для «усиленной политической обработки» добровольцев «были затребованы политработники из германской секции при РКП»⁸. Немецкие власти активно обращались к населению через газеты с призывом не поддаваться на агитацию и не вступать ни в одну из воюющих

армий (имелась в виду в первую очередь Красная армия). Утверждалось, что поляки на месте расстреливают взятых в плен немцев.

Немецкие коммунисты со своей стороны требовали от правительства не только объявить нейтралитет в советско-польском конфликте, но и «воспрепятствовать посылке Антантой через Германию войск и амуниции для помощи Польши против России»⁹. Такой подъем, в какой-то степени объединивший различные радикальные силы Германии, вызывал опасение у настроенных на мирную жизнь немцев. Общественность стала требовать срочного вывоза интернированных поляков вглубь Германии, чтобы у Красной армии не было соблазна продолжать преследование врага по территории Восточной Пруссии. Даже резкое изменение ситуации на фронте, отступление Красной армии и интернирование уже красноармейцев на прусской территории подпитывало эти страхи. В первые же дни массового перехода советских войск через прусскую границу немецкое радио сообщило, что те «направляются к Нейденбургу. Они желают захватить концентрационный лагерь, где уже находится 2 тысячи поляков»¹⁰. Когда стало ясно, что переход красноармейских частей не связан с их стремлениями преследовать поляков, возникла опасность, что, оказавшись в бедственном положении, они объединятся с местными коммунистами и спровоцируют гражданский конфликт в Германии. Власти пытались успокоить население: «Не было ни одного случая неповиновения русских. Из Москвы <...> войскам было указано, что они не должны делать ничего, что может повредить корректным отношениям между Германией и Россией»¹¹.

Чтобы не нагнетать обстановку, интернированных (которых оказалось до 50 тысяч: около 3 тыс. поляков и 45 тыс. красноармейцев) начали спешно вывозить в лагеря, расположенные в центральных районах Германии. При этом «реакционные круги находят, что эта отправка производится слишком медленно. Союз “верных конституции” уроженцев Восточной Пруссии потребовал отправки советских войск [не только морским путем, но и] по железной дороге, предлагая в случае необходимости полное прекращение обычного пассажирского движения. Это обосновывается тем, что “много тысяч незваных гостей, находясь на воле, распространяют среди немецких людей безумные идеи Ленина и Троцкого”»¹².

Расселение интернированных в лагерях в других землях Германии, наведение порядка в управлении ими не сразу успокоило общественное мнение. Судя по сообщениям в периодических изданиях, немцев беспокоило, что «красные» готовятся к вмешательству во внутренние дела Германии. Опасались, что «русские вступят в союз с немецкими коммунистами» и «может произойти то же, что было в 30-летнюю войну»¹³. Следует отметить, что красноармейцы, в первую очередь политработники и комиссары, способствовали таким опасениям как своим внешним видом, так и социальной активностью. По описаниям журналистов, красноармейцы-коммунисты «вид имеют самый ухарский и дикий, с красными значками и советскими звездами»¹⁴; «коммунисты поражают своей уверенностью в победе. Все они чрезвычайно действительны, активны, энергичны. <...> Костюм: шлем суконный с красной звездой, красные бархатные галифе, коммунистический значок на гимнастерке. Впечатление внушительное...»¹⁵ Командир интернированного кавалерийского корпуса Г. Гай пользовался своим правом носить при себе холодное оружие; в своих воспоминаниях он описывал, какое впечатление на немцев, еще помнивших события Первой мировой войны, производила его казачья форма¹⁶. По свидетельству самих красноармейцев, когда их этапировали через немецкие города — а это стремились делать ночью — население от мала до велика все же выходило посмотреть на «большевиков»¹⁷.

Судя по воспоминаниям самих красноармейцев, особой пропаганды среди них не проводилось; более того, не рекомендовалось вступать в конфликты с немецкой администрацией лагерей, а также тесно общаться с немецкими коммунистами. Такова была договоренность между правительствами. С другой стороны, сами интернированные красноармейцы, организация их быта использовались противоборствующими силами в собственных целях. В немецкой прессе высказывались сомнения, не готовится ли интернированная Красная армия к боевым действиям для оказания помощи немецким коммунистам, поскольку красноармейцы, хоть и разоружены, усиленно тренируются в своих лагерях¹⁸. (По всей видимости, немцы проецировали на красноармейцев собственное стремление сохранить кадры распущенной армии через различные спортивные клубы; в действительности физические занятия рекомендовались врачами, поскольку малоподвижный образ жиз-

ни интернированных способствовал развитию у них различных болезней). Активно раздувался конфликт, возникший в лагерях между бывшими офицерами и пленными белогвардейцами (мобилизованными в Красную армию), с одной стороны, и военным управлением лагерей, подчинявшимся командованию Красной армии, с другой.

Политработники стремились представить красноармейцев, оказавшихся волей судьбы в Европе, как людей новой формации. Иногда это вступало в конфликт с интересами самих интернированных. Так, в ответ на обращение местных рабочих, было принято решение не принимать предложений немецких работодателей, чтобы не понижать таким образом заработную плату для немцев¹⁹. В результате, из «пролетарской солидарности» красноармейцы были лишены возможности заработка. Не могли пройти бесследно для немцев и революционные праздники, которые, по согласованию с немецкой администрацией, устраивали для интернированных красноармейцев их политработники. С их пребыванием, с той политической и культурно-просветительской работой, которая производилась в лагерях по распоряжению и на средства советских военно-политических органов, была связана особая тревога, охватившая различные слои послевоенного общества в Германии и сопредельных странах.

Возвращение красноармейцев на родину было долгожданным не только для них, но и для немецкой общественности, которая все восемь месяцев пребывания на их территории «большевистских орд» находилась в напряжении.

В заключение следует сказать, что в своих последующих воспоминаниях красноармейцы отмечали негативное отношение к себе со стороны населения и властей Финляндии, Эстонии и других стран, что находилось в резком контрасте с напряженным, но все же гостеприимным отношением немцев. Революция и последующая Гражданская война внесла свои коррективы в восприятие Первой мировой войны в России. Именно те страны, с которыми Россия воевала (Германия, Турция, осколки Австро-Венгерской империи), оказали гостеприимство русским солдатам (как белогвардейцам, так и красноармейцам), оказавшимся по той или иной причине за пределами России. Возможно, поэтому ужасы Первой мировой оказались затушеваны в памяти ее участников. В воспоминаниях современников, которые комплекто-

вались «Истпартами» («комиссиями по истории коммунистической партии, революции и гражданской войны») и партийными архивами, пребывание в Германии в качестве интернированных оставило более заметный след, чем воспоминания об участии в событиях Первой мировой войны.

Примечания

1. Российский государственный военный архив (*Далее* – РГВА). Ф. 104 (Управление армиями Западного фронта). Оп. 4. Л. 538 (Планы и изображения по наступлению и обороне. 1920 г.) Л. 9.
2. Настоящая статья построена на материалах русскоязычной (эмигрантской) прессы, выходившей в Западной Европе, в первую очередь, в Германии и Чехословакии. Стремясь ознакомить своих читателей со всеми новостями, касающимися России и русских, редакторы этих газет скрупулезно перепечатывали как в реферированном виде, так и полностью, все публикации, корреспонденции и сообщения на эту тему.
3. «В случае продолжения войны возможны попытки русских к переходу на прусскую территорию для окружения польской армии» (Голос России: Орган русской демократической мысли. [Берлин] 1920. 28 июля); «В Берлине ... упорные слухи о будто бы вторжении красных войск в пределы Восточной Пруссии» (Несостоятельные слухи о вторжении русских войск в Пруссию // *Время* [Берлин]. 1920. 2 августа).
4. «...IV русская армия перешла через линию Просткен – Грево – Белосок. Отрезанный польский отряд перешел через прусскую границу при Просткене. Он будет интернирован. Польская пограничная стража покинула восточно-прусскую границу. (Бои на границе Пруссии // *Голос России: Орган русской демократической мысли*. [Берлин] 1920. 1 авг.); «Нет достаточного количества войск для охраны [прусской границы]. Дальнейший переход поляков через границу приведет к нежелательным последствиям» (Бюро Вольфа сообщает // *Голос России* [Берлин]. 1920. 8 августа).
5. *Голос России* [Берлин]. 1920. 28 июля.
6. *Голос России* [Берлин]. 1920. 8 августа.

7. Воспоминаниями о своем переходе границы во время Советско-польской войны для вступления в Красную армию и о пребывании в лагерях для интернированных делится немецкий коммунист. См.: *Л. Турек*. Пролетарий рассказывает. Жизнеописание немецкого рабочего. М.; Л., 1931 С. 306–308.
8. РГВА. Ф. 104. Оп. 1. Д. 26. Л. 93–94.
9. Призыв ЦК Независимой Социал-демократической рабочей партии Германии к рабочим. См.: Голос России [Берлин]. 1920. 25 июля.
10. Цит. по: Народное дело: политический орган комитета группы социал-революционеров Северо-Западной области России. [Ревель]. 26 августа.
11. Цит. по: Интернированные советские войска в Германии // Голос России [Берлин]. 1920. 7, 8 сентября.
12. Цит. по: Отправка интернированных советских войск из Восточной Пруссии // Голос России [Берлин]. 1920. 2 сентября.
13. Запрос о русских военнопленных в рейхстаге // Руль: Русская демократическая газета [Берлин]. 1920. 19 дек.
14. см.: Штеттин: от нашего корреспондента // Руль [Берлин]. 1920. 26 ноября.
15. см.: *Иванов Федор*. По красным лагерям // Голос России. 1921. 18 января.
16. *Гай Г.Б.* В германском плену. М., 1931. С. 36.
17. *Прялухин Ф.А.* Бойцы Северного фронта на Западном фронте [и в Германии] (1928 г.) // Государственный архив Архангельской области. Отдел документов социально-политической истории. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 492. Л. 8об.
18. Лагерь Фалькенмор: письмо // Воля России [Прага]. 1920. 19 декабря.
19. Государственный архив РФ (ГАРФ). Ф. 9491. Оп. 1. Д. 97. Л. 4–5.